

Позитивные эффекты отрицательной значимости другого

Одинцова М.А.

(г.Москва, МГППУ. Mari505@mail.ru)

Одной из базовых потребностей человека является потребность быть принятым в социальной группе. Не случайно у «соображающих на троих» (кстати, это тоже малая группа), звучит один и тот же, риторический вопрос: «ты меня уважаешь?». Для каждого человека важно подтверждение своей значимости. Исследованиям способности персонализироваться в других людях, А.В.Петровский уделял особое внимание. Автором была разработана трехфакторная модель «значимого другого», где в качестве факторов, определяющих для субъекта значимость другого выступают авторитет, аттракция и властные полномочия [9. С. 116 – 117]. Модель «значимого другого» М.Ю.Кондратьев назвал как «наиболее «продвинутой на сегодняшний день в отечественной социальной психологии концептуализированную схему отношений межличностной значимости,»[6]. Данная модель дает нам возможность более глубокого, четкого и разностороннего понимания механизмов межличностного взаимодействия, а, в перспективе, возможно, позволит разгадать многие таинственные стороны человеческой личности. А.В.Петровский как бы еще раз подтверждает философскую концепцию неизбежности сцепления крайностей, их чередования, замещения друг другом и слияния в единое целое. Более того, автор, великодушно делаясь своими идеями, подсказывает нам пути дальнейших возможных исследований, среди которых: проявление трехфакторной модели значимого другого в различных социальных сферах индивида; построение обобщенной математической модели «значимого другого»; исследование позиций в пространстве негативных значений выделенных критериев значимости, и многое другое. Не претендуя на оригинальность, кратко остановимся на последнем. В негативных позициях критериев значимости выделенных А.В.Петровским, «находят место характеристики, связанные с антипатией, антиреферентностью и даже антистатусностью личности» [9. С. 118].

«Антиреферентность»[9], рассматривается автором как отрицание всего, даже довольно разумного, что исходит от негативно значимого другого. Например, негативно значимым другим может быть постоянно унижаемый человек (Р-), утративший авторитет и превратившийся в своей излишней покорности в «раба». «Раб» – это тип того самого «маленького человека», который щедро произрастает на русской почве и хорошо описан в русской литературе. К проблеме рабской психологии обращались многие ученые (Э.Эриксон, К.Ясперс, М.Я.Басов, В.Н.Мясищев, И.Павлов,

и др.). В работах И.Павлова, например, появляется даже понятие «рефлекс рабства». «Очевидно, что вместе с рефлексом свободы существует также прирожденный рефлекс рабской покорности. Хорошо известен факт, что щенки и маленькие собачки часто падают перед большими собаками на спину. Это есть отдача себя на волю сильнейшего, аналог человеческого бросания на колени и падения ниц – рефлекс рабства (...). Нарочитая пассивная поза слабейшего, естественно, ведет к падению агрессивной реакции сильнейшего, тогда как, хотя бы и бессильное, сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего. Как часто и многообразно рефлекс рабства проявляется на русской почве и как полезно сознавать это!» [8. С. 80]. Неавторитетный (Р-), покорный, значит бессильный, мнения такого человека не учитываются, достижения категорически не признаются и обесцениваются.

Проявление негативной личностной значимости можно проследить и в ярко выраженной антипатии, полном эмоциональном отвержении другого (А-) [9] Например «гадкий утенок» из одноименной сказки Г.Андерсена абсолютно не симпатичен птичьему двору. «Ужасный урод! И совсем не похож на других!» (...) Какой гадкий! (...) Большой и несурзанный! [1. С.154]. «Гадкого утенка» не принимают в силу выраженных, но неодобряемых большинством особенностей, он является объектом насмешек и откровенной травли. «Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утатила тебя, несносный урод! (...) Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою» [1. С. 155]. Достаточно узнаваемая ситуация, которая характерна и для человеческого сообщества. Ярким примером является моббинг в организациях.

Обратный знак властных полномочий (В-) [9] также требует некоторых пояснений. Например, типичным представителем отрицательных властных полномочий является «низвергнутый идол» Иов (Книга Иова), которого Рене Жирар называет «козлом отпущения» [4]. Путь этого героя начинается с величия, богатства, могущества (В+), но заканчивается сокрушительной катастрофой и гонением (В-). Достаточно вспомнить мировую историю, практически все носители символа высшего авторитета рано или поздно становились «козлами отпущения». Даже идол рискует превратиться в «козла отпущения» – размышляет Р.Жирар [4], т.к. любая система нуждается в виновных.

Таким образом, исследование некоторых метафоричных позиций в пространстве негативных значений выделенных критериев значимости, позволяет выделить то, что объединяет вышеперечисленных героев. Главное – это наличие стигмы (от греч. stigma – клеймо, пятно). Стигма – это ярлык, которым метили рабов, преступников в Древней Греции, тем самым обозначая их статус как «позорный», «нечистый» [2. С. 1286]. В

подобных ярлыках выражается наиболее абстрактная и общая информация об объекте и, как заметил Г.Олпорт, они действуют как «сирены, заставляя нас забывать обо всех более тонких различиях» [10. С. 712]. Индивид получает обидную метку, по которой можно определить, например, излишне покорного («раб»); несуразного, («гадкий утенок»); виноватого («козел отпущения»). Если ярлык принимается, индивид начинает сам себя стигматизировать. Считается, что самостигматизация препятствует развитию способностей индивида, и может деформировать личность[11]. Стигматизация и самостигматизация вызывают крайне неприятные, тягостные и мучительные переживания, при которых человек испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, страдания. К страданиям в психологии относятся неоднозначно, однако, в любом случае они считаются продуктивным чувством, приводящим к активным действиям и глубоким духовным изменениям. Глубоко страдающий человек, как подмечает И.Ильин, становится другим. «...страдание пробуждает дух человека, ведет его, образует и оформляет, очищает и облагораживает... Духовная дифференциация, отбор лучшего и всяческое совершенствование были бы невозможны на земле без страдания. В нем закаляется стойкость, мужество, самообладание и сила характера [5].

Кроме этого, люди с негативной личностной значимостью вынуждены постоянно защищаться от уколов извне и приобретают дефензивные черты (от лат. defensio оборонительность, защищать). Понятие дефензивность в научную литературу вводит М.Е.Бурно[3]. С точки зрения автора, человеческая дефензивность обнаруживается такими свойствами характера как: уязвимость, неуверенность в себе, и т.п. Дефензивный человек – защищающийся, «поджимающий хвост» в той обстановке, где агрессивный «оскаливается»[3]. Они конформны, тревожны, склонны к глубоким страданиям [3]. Однако, как подмечает М.Е.Бурно, у таких «слабых» людей есть сила, проявляющаяся в уникальной способности к творчеству. Для таких людей, «творчество в самом высоком смысле – это есть лечение страдания»[3].

Таким образом, мы выходим на некоторые позитивные эффекты отрицательной значимости другого, заложенные в модели А.В.Петровского. Считается, что аутсайдеры необходимы любой социальной группе для поддержания ее целостности. Не случайно еще в Древней Греции «извергнутые» из общности обозначались словом «pharmacos», т.е. целительным средством, тем, что может избавить любое общество от «скверны дезинтеграции»[4]. Противоречия и противодействия раздрают сообщество на части, тогда как аутсайдер притягивает к себе разнонаправленные векторы насилия и словно впитывает его в себя, таким образом, обеспечивает мир внутри общности – состояние, которое не способен создать ни один смертный [7. С. 357]. Возможно, в

некоторой степени этим объясняется и феномен «дурачка», который обязательно есть в любом маленьком городке, или любой деревне. Этот странный, глуповатый юродивый всех времен и национальностей, так же обладает огромной потребностью быть значимым. Потребностью быть значимыми обладают и «соображающие на троих», «гадкие утята», «козлы отпущения», и многие другие аутсайдеры во многом из-за неосознанного страха быть обезличенными. Ведь «индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, гипотетической частице, которая бесследно пронизывает плотную среду, не производя в ней никаких изменений» [9. С. 112]. Вопрос причин происходящего остается открытым. Ясно одно: без полюса негативной личностной значимости не может состояться позитивная значимость, и наоборот. Гадкий утенок обязательно превратится в прекрасного лебедя. «Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой! И старые лебеди склонили перед ним головы [1. С. 160].

Литература

1. Андерсен Г.Х. Сказки и истории: Пер. с дат.. – Минск.: Маст. літ., 1992 – 416 с.
2. Большой энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Е.Кемерова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1435 с.
3. Бурно М.Е. Сила слабых / М.Е.Бурно. – М.: «Изд-во ПРИОР», 1999. – 368 с.
4. Жирар Р. Насилие и священное / Р.Жирар / Пер. с фр. Г.Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 396 с.
5. Ильин И. Книга тихих созерцаний [<http://hristov.narod.ru/singheart.htm>].
6. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости / М.Ю.Кондратьев // Социальная психология и общество. 2011. – №2. – С. 17 – 28.
7. Новейший философский словарь Новейший философский словарь / Под общ. ред. В.Е.Кемерова. – 3-е изд., испр. – Минск.: Книжный Дом. – 2003. – 1280 с.
8. Павлов И. рефлекс свободы / Иван Павлов. – Питер, 2001. – 448 с.
9. Петровский А.В. Психология и время. – СПб.: Питер, 2007. – 448 с.
10. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов / В.А.Янчук. – Мн.: АСАР, 2005. – 768 с.
11. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. . N.Y.: Prentice-Hall, 1963.

Ссылка для цитирования: Одинцова М.А. Позитивные эффекты отрицательной значимости другого // Социальная психология малых групп: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В.Петровского 25 – 26 октября 2011 г. Москва: МГППУ / отв. Ред. М.Ю.Кондратьев. – М.МГППУ, 2011. – с. 183 – 187.